

В.С. Найпол "Ч. Вордсворт"

Ч. ВОРДСВОРТ

Каждый день в одно и то же время возле гостеприимных домов на Мигель Стрит появлялись трое нищих. Около десяти часов проходил индус в дхоти* и белой куртке, и мы насыпали ему банку риса в заплечный мешок. В двенадцать приходила старуха, дымя глиняной трубкой, и получала один цент. В два мальчик приводил слепого, и тот уносил пенни.

Изредка забредал какой-нибудь попрошайка. Один раз зашел человек и сказал, что хочет есть. Мы накормили его. Потом сказал, что хочет курить, и не уходил, пока ему не поднесли спичку. Больше он не показывался.

Но самый странный посетитель появился однажды после обеда, часа в четыре. Я уже вернулся из школы и успел переодеться. Он спросил:

- Сынок, можно зайти к вам во двор?

Роста он был невысокого и одет аккуратно. На нем была шляпа, белая рубашка и черные брюки. Я спросил:

- А что вы хотите?

Он ответил:

- Хочу посмотреть ваших пчел.

У нас во дворе росли четыре карликовые пальмы гру-гру, а на них лепились тучи незваных пчел.

Я взбежал по лестнице и крикнул:

- Ма, там какой-то дядя. Говорит, что хочет посмотреть пчел.

Мать вышла, глянула на него и спросила неприветливо:

- Что вы хотите?

- Хочу посмотреть ваших пчел.

Он так правильно говорил по-английски, что это звучало даже неестественно, и я видел, как мама встревожилась. Она сказала мне:

- Оставайся здесь и присмотри за ним, пока он будет глазеть на пчел.

- Спасибо, мадам, - сказал он. - Вы сделали доброе дело.

Он говорил очень медленно и очень правильно, будто каждое слово стоило денег.

Мы с ним смотрели на пчел примерно час, сидя на корточках возле пальм. Он сказал:

- Мне нравится смотреть на пчел. А тебе, сынок, нравится смотреть на пчел?

- Мне некогда, - ответил я.

Он грустно покачал головой и сказал:

- А я люблю смотреть на них, просто смотреть. Могу часами смотреть на муравьев. Ты когда-нибудь наблюдал за муравьями? А скорпионы, а сороконожки, а саламандры - за ними ты наблюдал?

Я помотал головой. Потом спросил:

- Кто вы, мистер?

Он поднялся и сказал:

- Я поэт.

Я спросил:

- Хороший?

- Величайший в мире.

- А как вас зовут, мистер?

- Ч. Вордсворт.

- Ч. Значит Чарльз?

- Черный. Черный Вордсворт. Белый Вордсворт* - мой брат. У нас с ним одна душа. Даже на такой маленький цветок, как ипомея, я могу смотреть и плакать.

Я спросил:

- А плакать зачем?

- Зачем, сынок? Зачем? Узнаешь, когда вырастешь. Ты ведь тоже поэт, да-да. А раз ты поэт, значит, и плакать можешь обо всем.

Мне не было смешно. Он спросил:

- Ты любишь мать?

- Когда не бьет.

Он вынул из кармана листок с отпечатанным текстом и сказал:

- На этом листке написано величайшее стихотворение о матерях, и я хочу продать его тебе за четыре цента. Почти даром.

Я зашел в дом и спросил:

- Ма, хочешь купить стих за четыре цента?

- Скажи этому бездельнику, пусть убирается прочь с моего двора, слышишь? - ответила мать.

Ч. Вордсворту я сказал:

Мама говорит, у нее нет четырех центов.

- Такова участь всех поэтов, - ответил Ч. Вордсворт и спрятал листок в карман. Казалось, он не сильно огорчился. Я сказал:

- Странно вот так ходить и торговать поэзией. Так делают только сочинители калипсо.* А много у вас покупают?

- Пока еще ничего не купили.

- Так зачем же ходить?

- Так я многое вижу и всегда надеюсь встретить поэтов.

- А что, правда, что я тоже поэт?

- Такой же великий, как я, - сказал он.

И когда Ч. Вордсворт ушел, я молился, чтобы опять встретиться с ним.

Неделю спустя, возвращаясь из школы, я встретил его на углу Мигель Стрит. Он сказал:

- Я уже давно поджидаю тебя.

Я спросил:

- Вы что-нибудь продали из своих стихов?

Он покачал головой и сказал:

- У меня во дворе растет самое лучшее манговое дерево в Порт-оф-Спейне. А сейчас плоды спелые, и рыжие, и очень сладкие, и сочные. Я ждал тебя здесь, чтобы сказать об этом и пригласить отведать моих манго.

Он жил на Альберто Стрит в убогом домишке, стоявшем посреди участка. Двор был весь в зелени. И там росло большое манговое дерево. И кокосовая пальма, и слива. Место казалось диким, как будто находилось далеко за городом. И оттуда не было видно больших бетонных домов.

Он сказал правду. Плоды манго были сладкие и сочные. Я съел штук пять или шесть, и желтый сок манго тек по рукам к локтям и по подбородку и капал на рубашку.

Когда я вернулся домой, мать спросила:

- Где это ты пропадал? Вообразил, что стал взрослым, и теперь можно шляться по всей округе? А ну-ка, срежь мне прут.

Она больно отстегала меня. Я выбежал из дома, поклявшись себе, что никогда не вернусь обратно, и отправился к Ч. Вордсворту. Я ужасно злился, из носа текла кровь. Ч. Вордсворт сказал:

- Не плачь, пойдем лучше погуляем.

Я перестал реветь, но еще всхлипывал. Мы пошли гулять. Мы шли по Сент-Клэр-Авеню к "Саванне"* и вышли к ипподрому. Ч. Вордсворт сказал:

- Давай, ляжем на траву и будем смотреть в небо, и я хочу, чтобы ты задумался, как далеки от нас вон те звезды.

Я сделал, как он велел, и тогда понял зачем. Мне казалось, я стал пустой, и в то же время я чувствовал себя таким огромным, таким великим. Я забыл про обиду, и слезы, и побои.

Когда я сказал, что мне уже лучше, он стал показывать звезды и говорить их названия, и я особенно хорошо запомнил созвездие Ориона-Охотника, даже не знаю, почему. Я и сейчас могу найти его на небе, хотя остальное давно забылось.

Неожиданно глаза ослепил свет фонарика, это был полицейский. Мы встали с травы. Полицейский спросил:

- Что вы здесь делаете?

Ч. Вордсворт ответил:

- Я задаю себе этот вопрос вот уже сорок лет.

Мы подружились, Ч.Вордсворт и я. Однажды он сказал:

- Ты никому не должен рассказывать обо мне и о манговом дереве, и о кокосовой пальме, и о сливе. Ты должен держать это в тайне. Если ты расскажешь кому-нибудь, я все равно узнаю, потому что я поэт.

Я сдержал слово.

Мне нравилась его маленькая комнатка. Мебели в ней было не больше, чем у Джоржа в передней, но выглядела она чище и опрятнее. И в ней жило одиночество. Однажды я спросил:

- Мистер Вордсворт, зачем вам столько кустов во дворе? От них ведь такая сырость.

Он ответил:

- Послушай, я расскажу тебе одну историю. Когда-то давным-давно юноша встретил девушку, и они полюбили друг друга. Они любили друг друга так сильно, что поженились. Оба были поэты. Он любил слова, а она траву, и цветы, и деревья. Счастливо зажили они в маленьком домике, и вот однажды девушка-поэт сказала юноше-поэту: "Скоро у нас в семье будет еще один поэт". Но маленький поэт не родился, потому что девушка умерла, и он умер вместе с ней, внутри нее. Юноша сильно опечалился и сказал, что не тронет и травинки в саду девушки. Так сад и остался, разросся и одичал.

Я поднял глаза на Ч. Вордсворта. Казалось, он постарел, пока рассказывал мне эту чудесную историю. И я все понял.

Мы совершали долгие прогулки вместе. Ходили в ботанический сад и сад камней. В послеполуденное время забирались на Чэнселлор Хилл, смотрели, как сумерки спускаются на Порт-оф-Спейн, и видели, как в городе и на кораблях зажигаются огни.

Он делал все так, словно впервые в жизни. Он делал все так, словно совершал церковный обряд. Бывало, спросит меня:

- А как насчет мороженого?

И когда я кивал, он становился очень серьезным и говорил:

- Так, а какое кафе мы почтим своим присутствием? - будто это было так важно. Потом задумывался ненадолго и наконец произносил:

- Думаю, мне удастся договориться о покупке вон с тем заведением.

Мир наполнился волшебством.

Однажды, когда я был у него во дворе, он сказал:

- У меня есть великая тайна, и я хочу открыть ее тебе.

- Настоящая? - спросил я.

- Да.

Я посмотрел на него, и он посмотрел на меня. Он сказал:

- Только это между нами, запомни. Я пишу поэму.

- А ..., - я был разочарован. Он сказал:

- Но это не обычная поэма. Это величайшая поэма в мире.

Я присвистнул. Он сказал:

- Я работаю над ней уже пять лет. Значит, закончу года через двадцать два, если буду писать в том же темпе.

- Наверное, уже много написали?

- Не очень. Я пишу только одну строку в месяц. Зато знаю точно, что это хорошая строка.

- А какую хорошую строку вы написали в прошлом месяце?

Он поднял глаза к небу и сказал:

- Прошрое глубоко.

- Красивая строка.

- Я хочу выбрать самое главное из жизни за месяц, - сказал Ч.

Вордсворт, - и выразить это одной поэтической строкой. Так, через двадцать два года я напишу поэму, которая будет близка всему человечеству.

Я был изумлен.

Наши прогулки продолжались. Однажды мы гуляли вдоль парапета в Доксайте, и я спросил:

- Мистер Вордсворт, если я брошу булавку в воду, она потонет?

- Наш мир неизведан, - ответил он. - Брось свою булавку, и мы увидим, что получится.

Булавка утонула.

- А как поэма в этом месяце? - спросил я, но больше он не прочел мне ни строчки, только сказал:

- О, я уже чувствую ее приближение...

Иногда мы сидели на парапете и смотрели, как лайнеры заходят в гавань.

Но о величайшей в мире поэме я больше ничего не слышал.

Я понял, что он стареет.

- Как вы живете, мистер Вордсворт? - спросил я однажды.

- Ты хочешь спросить, на что я живу?

Когда я кивнул, он делано рассмеялся.

- Пою калипсо в сезон калипсо.

- И этих денег хватает вам на год?

- Этого достаточно.

- Но вы же не станете самым богатым в мире, когда напишете величайшую поэму?

Он не ответил.

Однажды я зашел в маленький домик проведать Ч. Вордсворта и застал его в маленькой постельке. Он выглядел таким старым и слабым, что мне захотелось плакать. Он сказал:

- Поэма что-то не идет.

Он не смотрел на меня. Он смотрел в окно на кокосовую пальму и говорил так, будто меня не было.

- Когда мне было двадцать лет, - сказал он, - я чувствовал в себе силы.

Потом я увидел, как он начал стареть, - прямо у меня на глазах - словно устал от жизни.

- Но это было очень, очень давно, - сказал он.

А потом - я почувствовал это очень остро - так, будто получил пощечину от матери. Я видел это ясно на его лице. Любой бы увидел. Смерть на сморщенном лице.

Он перевел на меня взгляд, заметил мои слезы и сел на кровати.

- Иди ко мне, - сказал он. Я подошел и сел к нему на колени. Он посмотрел мне в глаза и прошептал:

- А ... ты тоже видишь ... Я всегда знал, что у тебя глаза поэта.

Он не был даже грустным, и от этого я в голос заревел.

Он прижал меня к своей впалой груди и сказал:

- Хочешь, я расскажу тебе смешную историю? - и улыбнулся ободряюще.

Но я не в силах был ему ответить.

Он сказал:

- Только обещай: когда я закончу свой рассказ, ты уйдешь и больше не будешь ко мне приходить. Обещаешь?

Я кивнул. Он сказал:

- Хорошо. Ну, слушай. Помнишь, я рассказывал тебе историю о юноше и девушке, поэтах? Так вот, я ее выдумал. И все насчет поэзии и величайшей в мире поэмы тоже выдумка. Правда, смешно?

Его голос оборвался.

Я вышел на улицу и побежал домой, плача обо всем, что видел, как поэт.

Через год я снова очутился на Альберто-Стрит, но от домика поэта не осталось и следа. Он не исчез просто так. Его снесли, и на том месте выросло большое двухэтажное здание. Манговое дерево, сливу и кокосовую пальму срубили, и теперь везде был кирпич и бетон.

Словно Ч. Вордсворт никогда и не жил на свете.

---

*дхоти - индийская национальная одежда: материю оборачивают вокруг чресел и стягивают узлом у пояса

*Уильям Вордсворт (1770-1850) - английский поэт-романтик, представитель "озерной школы"

*калипсо - народная песенно-танцевальная импровизационная форма, популярная на Тринидаде, с использованием ударных и скрепковых инструментов.

*"Саванна" - название парка

Перевела с английского и составила примечания Ольга Слободкина-von Bromssen

WIKIPEDIA

Видиадхар Сураджпрасад Найпол

Писатель

Видиадхар Сураджпрасад Найпол - англоязычный писатель индийского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе. Выступал с открытой критикой ислама. В 1993 году получил первую премию Дэвида Коэна.

17 августа 1932 г., Чагуанас, Тринидад и Тобаго - 11 августа 2018 г., Лондон, Великобритания

Награды: Нобелевская премия по литературе, Букеровская премия, Иерусалимская премия

Номинации: Международная Букеровская премия, Дублинская литературная премия, Нейштадтская литературная премия

Образование: Оксфордский университет, Колледж Квин Ройал, Университетский колледж